

Вэй Анъюань был вне себя от ярости и никого не желал слушать. Он рывкнул:

— С чего бы мне его бояться? Если не считать ветви принцессы, все его предки из поколения в поколение были отребьем! С какой стати ему важничать передо мной в Столице?

Е Мянью поспешно зажал ему рот ладонью и сердито прошипел:

— Ты с ума сошел?! Что за чушь ты несешь!

Е Мянью потащил Вэй Анъюаня в Беседку Весенней Чаши.

— Сядь и остынь сначала, — Е Мянью усадил Вэй Анъюаня на каменную скамью и строго предупредил: — И не вздумай больше кричать. Иначе дежурный надзиратель не только узнает, что мы шумим в академии, но и поймет, что мы прогуливаем послеполуденные занятия...

Вэй Анъюань только что совершенно потерял самообладание, и Е Мянью не посмел оставить его в том дворе у озера. В конце концов, ученики из Цзиньлина занимались в соседнем учебном классе, и дерзкие речи Вэй Анъюаня наверняка долетели до их ушей.

От одной мысли об этом у Е Мянью мороз пробежал по коже.

Вэй Анъюань сидел, низко опустив голову и крепко сжав кулаки, все еще кипя от злости.

Е Мянью бессильно спросил его:

— Да из-за чего ты так злишься? Ну есть у него ко мне чувства, но он ведь ничего мне не сделал.

— Я и сам-то не сержусь... — тихо пробормотал Е Мянью.

Вэй Анъюань резко вскинул голову и, свирепо уставившись на Е Мянью, выпалил:

— Ты что, глупый? Этот Чжуан Сюй так презирает тебя, а ты...

Договорить Вэй Анъюаню не дал Е Мянью, снова быстро зажав ему рот.

Е Мянью в сердцах пригрозил:

— Будешь и дальше шуметь — я тебя в пруд сброшу!

Вэй Анъюань уставился на него сердитым взглядом, Е Мянью ответил ему тем же:

— Давай говорить нормально...

Е Мянью убрал руку, сел напротив друга и, вздохнув, серьезно посмотрел на него:

— Анъюань, я примерно понимаю, что ты хочешь сказать. Вот только наши взгляды на это дело расходятся.

Е Мянью медленно продолжил:

— По-моему, будь этот человек мужчиной или женщиной, мимолетным ли увлечением или юношеской влюбленностью — даже если ты не испытываешь взаимности и ни за что не примешь эти чувства, нельзя клеймить чужую симпатию как «презрение».

Вэй Анъюань поднял на него глаза.

Е Мянью подумал немного и добавил:

— Взять хотя бы барышню из семьи твоей второй невестки. Она спала и видела, как станет женой князя, и разбила сердце братцу Чжао. Но разве она не просила тебя два дня назад тайком передать ему извинения? Если бы эта барышня считала чувства брата Чжао к ней презренными, разве она поступила бы так?

Вэй Анъюань долго смотрел на него и наконец возразил:

— Разве это одно и то же? Она женщина, а ты мужчина.

— Ну и что с того? Буквально на днях мы со смехом обсуждали одного странствующего воина, который всю жизнь считал своей единственной спутницей верный меч. Ты еще завидовал его свободе и беспечности. Если человек может любить неодушевленный предмет, то почему мужчина не может любить мужчину? — Е Мянью негромко усмехнулся и продолжил: — Хоть сейчас мне и нравятся девушки, я не могу гарантировать, что в будущем не встречу молодого господина, который заставит мое сердце биться чаще. И если я признаюсь ему в чувствах, а он сочтет это за «презрение» к себе, разве это не станет моим возмездием?

Вэй Анъюань округлил глаза от изумления:

— Что за глупости ты говоришь! Еще пару дней назад ты твердил мне, что этот Дин Хуай низок и отвратителен, и советовал братцу Чжао и Ци Е держаться от него подальше.

Е Мянью нахмурился:

— Всё верно. Но Дин Хуая я назвал гнусным потому, что помыслы его грязны. Он окружает себя названными братьями и наложниками исключительно ради сиюминутной прихоти и выгоды на службе. Как его можно сравнивать с Чжуан Сюем или братцем Чжао?

Вэй Анъюань шумно выдохнул:

— Ты что, заступаешься за Чжуан Сюя?

Е Мянью покачал головой:

— Я ни за кого не заступаюсь. Просто я не глуп и способен отличить искренность от подлых намерений. Взять того же Дин Хуая — он питает слабость к мужчинам. На позавчерашнем пиру он не позволил себе ничего лишнего, но вы просто были пьяны и не заметили, насколько грязными и тошнотворными были его мимолетные взгляды. А Чжуан Сюй... — Е Мянью неловко кашлянул. — До того как я узнал о его чувствах, я дважды спал в его постели, и он не сделал ничего предосудительного. К тому же взгляд у него всегда чистый, а глаза лгать не умеют. — Е Мянью говорил с полной уверенностью.

Вэй Анъюань посмотрел на Е Мянью с глубоким разочарованием и вдруг произнес:

— И после этого ты утверждаешь, что не защищаешь его?

Е Мянью:

— ...

Вэй Анъюань, не сводя с него глаз, спросил:

— Он тебе понравился?

Е Мянью растерялся от такого вопроса:

— С чего ты это взял?

Вэй Анъюань лишь взволнованно смотрел на него, не в силах подобрать слова. Только спустя некоторое время он хрипло произнес:

— Мне все равно, кто тебе понравится в будущем — благородная барышня или молодой господин, но этим человеком ни в коем случае не должен быть Чжуан Сюй!

Е Мянью удивленно приоткрыл рот:

— Но почему?

Неужели они успели повраждовать за его спиной?

Вэй Анъюань промолчал. Лишь спустя долгое время он понуро опустил голову и, вздохнув, тихо заговорил:

— Чжуан Сюй слишком силен, мне с ним не совладать. Его влияние в Столице куда шире моего. Мне во всем приходится просить дозволения у отца и Е Юаня, а он за эти полгода в Столице добился всего, чего желал.

Тут Вэй Анъюань сердито зыркнул на Е Мянью:

— А ты ведешь себя как дурачок. Он тебя вокруг пальца обведет, это лишь вопрос времени!

Е Мянью и смеялся и плакал:

— Что за глупости? Он мне не интересен, да и я не трехлетний ребенок, чтобы меня так просто обмануть. Ты думаешь, он уличный похититель детей?

Вэй Анъюань покачал головой:

— Ты занимаешься с ним каллиграфией столько времени, а понимаешь его хуже меня.

Е Мянью нахмурился.

— Его предки ведь из Цзиньлина, и если он однажды увезет тебя туда... — Вэй Анъюань посмотрел на него с редкой для него беспомощностью. — Что мне тогда делать? Я ведь не могу без тебя...

Е Мянью не сдержал смешка:

— С каждым разом всё нелепее. Какая тут связь? Какое мне дело до того, что его предки из Цзиньлина?

Вэй Анъюань шмыгнул носом:

— Брат Мянью, я ведь не шутил, когда предлагал выдать за тебя мою кузину. Мы бы

породнились. А когда обзавелись бы собственными домами, женились и обзавелись детьми, наши дома дружили бы из поколения в поколение. Наши дети тоже могли бы породниться через брак, а мы с тобой остались бы лучшими друзьями на всю жизнь.

Е Мян с тоской посмотрел на Вэй Анъюаня. Наконец-то он понял, к чему был весь этот переполох. Друг попросту боялся, что они с Чжуан Сюем сойдутся, и Е Мян уедет с ним в Цзиньлин, бросив его одного в Столице...

Поняв, в чем корень беды, Е Мян вздохнул с облегчением — теперь успокоить друга было проще. Он принялся ласково уверять его и обещать, что ни за что не сбежит с князем Жуннань «вить совместное гнездышко». Вот только Вэй Анъюань на этот раз уперся и ни в какую не желал верить. В итоге у Е Мян совсем пересохло в горле, и ему пришлось чуть ли не клясться жизнью, прежде чем тот неохотно кивнул и наконец отвязался от него.

Вэй Анъюаня он утихомирил, но на душе у Е Мян легче не стало. Перед окончанием занятий он специально заглянул в учебный класс двора Цинань и потихоньку спросил у Лу Личжэна, слышно ли было у них полуденную ссору. Лу Личжэн лгать не умел, а потому лишь смущенно улыбнулся и промолчал.

У Е Мян упало сердце.

В этой истории Вэй Анъюань был кругом неправ. Чжуан Сюй же мстителен до крайности, да и методы у него жестокие — бог знает, во что все это выльется...

Ночью из-за этих мыслей Е Мян ворочался с боку на бок и тоскливо вздыхал, не в силах уснуть. Это не на шутку перепугало двух дежуривших в его спальне служанок — те решили с самого утра обо всем доложить госпоже Цю и молодой госпоже.

На следующий день Е Мян спозаранку отправился в Императорскую академию Гоцзысюэ. Весь изведясь от тревоги, он поспрашивал во дворе Цинань и с облегчением узнал, что Чжуан Сюя оставили в императорском дворце и сегодня на занятиях его не будет. Это давало Е Мян время хорошенько проинструктировать Вэй Анъюаня.

Им двоим ни в коем случае нельзя сталкиваться лбами.

Весь день Е Мян ходил за ним хвостиком, без конца давая наставления, но Вэй Анъюань лишь отмахивался и рассеянно кивал. Было видно, что он не принимает эти предупреждения близко к сердцу. Е Мян впервые в жизни на собственной шкуре прочувствовал смысл поговорки: «Император не беспокоится, а евнух с ног сбился от тревоги».

Вечером, вернувшись после занятий домой, он в самом унылом расположении духа отужинал со своим старшим братом и невесткой.

Е Цзин спросил, что с ним такое, но Е Мян не посмел признаться. Разве мог он сейчас заговорить со старшим братом о Чжуан Сюе? Ему и одного Вэй Анъюаня, который взрывался от любой искры, как пороховая бочка, хватало с лихвой...

После ужина Е Цзин уже собирался увести Е Мян в кабинет, чтобы устроить ему допрос с пристрастием, но тут слуга доложил, что пришел младший сын из дома премьер-министра Вэй.

Е Мян растерялся, а в следующую секунду его охватила тревога: неужели Чжуан Сюй уже успел доставить Вэй Анъюаню неприятности? Он поспешно велел проводить гостя.

<http://bllate.org/book/18289/1753889>